

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хорватия, Босния и Сербия — три государства, слишком разные, чтобы быть едиными, и слишком похожие, чтобы игнорировать общую судьбу. Их различия лежат в религии, ценностях и политических ориентирах, но язык, историческая память и борьба с внешними захватчиками в Средние века и в эпоху империй объединяют их в единую историческую ткань.

Довольно сложно однозначно ответить на вопрос – как называть описываемый регион. С одной стороны – это однозначно Балканы (или Балканский полуостров) географически, однако, хорваты (как и словенцы) не любят этот эпитет – большую часть своего существования Хорватия была в орбите Австро-Венгрии, а не Османской империи, что противоречит балканской, то есть восточной ориентации. Для многих слово «Балканы» тесно связано с конфликтами и войнами 1990-х годов, коррупцией, нестабильностью, отсталостью, от чего жители современной Хорватии хотели бы дистанцироваться. Термин «Балканы» используется как собирательное название для региона, с которым Хорватия не хочет быть ассоциирована, а после распада Югославии хорваты стремятся подчеркнуть уникальность от других народов. К тому же географически только юго-восточная часть Хорватии находится на Балканском полуострове.

Понятие «Южная Европа» – тоже спорное. Оно подходит в географическом и общеевропейском контексте (например, в классификации ООН и ЕС). Но это – слишком широкое понятие, включает оно также Португалию, Италию, Грецию и другие страны, а значит теряется локальная специфика. Поэтому наиболее

подходящий политически и географически будет обозначить регион Хорватии, Боснии и Сербии как Юго-Восточная Европа, что будет и политически нейтрально, и географически верно.

Родство этих стран противоречиво: общее прошлое одновременно стало и связующим звеном, и источником взаимного отчуждения. На протяжении веков эти земли были разделены между разными государственными системами, что предопределило их будущие пути. Хорватия в значительной степени впитала западноевропейскую политическую культуру, находясь в орбите австрийского и венгерского влияния, тогда как Сербия и Босния на долгие столетия оказались включены в османскую систему, с ее восточной административной традицией, иным пониманием правовых институтов и особой социальной иерархией. Этот раскол «Запад—Восток» не исчез и сегодня: он определяет политическую ориентацию государств, их восприятие международных союзов и стратегические приоритеты.

Босния остаётся символом исторической иронии. Будучи в прошлом ключевым объектом борьбы между империями, она и сейчас де-факто сохраняет политическую нейтральность в международных делах. Внутренние противоречия, основанные на этническом размежевании и незавершённых конфликтах недавних войн, удерживают её в состоянии постоянного внутреннего напряжения. Раны прошлого — от права на самоопределение боснийских сербов и хорватов до влияния исламских общин и радикальных течений — не позволяют ей превратиться в полноценного субъекта международной политики.

Сербия — наиболее последовательный наследник восточной политической традиции на Балканах. За века османского владычества в её общественном устройстве укрепились патриархальные формы власти и специфическое понимание государственности, в котором личная преданность лидеру и этническая солидарность зачастую доминируют над правовыми и религиозными принципами, несмотря на то, что вторые — неотъемлемый элемент сербской культуры и идентичности. Этот исторический опыт наложил отпечаток и на современную политическую культуру: Сербия склонна к авторитарным моделям управления и к поиску опоры в силовых союзах, что проявляется в её устойчивых связях с Китаем и Азербайджаном, и нежелании окончательно порвать с наследием югославского периода.

Стремление к региональному лидерству остаётся важной частью сербской идентичности. Идея защиты «сербского мира», включая поддержку сербских общин в Боснии и Черногории, сохраняется как неофициальная, но очевидная цель сербской внешней политики. При этом, несмотря на попытки Белграда позиционировать себя как гарант стабильности, именно сербские инициативы в прошлом не раз становились катализатором конфликтов, подрывая доверие соседей и укрепляя образ Сербии как страны, ставящей свои национальные интересы выше регионального сотрудничества.

Хорватия — пример страны, чьё историческое развитие было тесно связано с западноевропейской политической традицией. Опыт пребывания в составе Габсбургской монархии сформировал институциональную культуру, в которой государственные структуры воспринимались как

инструмент поддержания общественного порядка и правопорядка. После обретения независимости Хорватия сделала выбор в пользу интеграции в европейские и евроатлантические структуры в отличие от восточных соседей. Сегодня она демонстрирует относительно устойчивую политическую систему и более высокий уровень административной организованности по сравнению с другими акторами этой книги.

При этом Хорватия остаётся частью балканского контекста, с его историческими противоречиями и этнической сложностью, что накладывает ограничения на её возможности в региональной политике. Тем не менее её опыт показывает, что даже в условиях постконфликтного общества возможен переход к стабильному государственному устройству и выстраиванию долгосрочных политических институтов. Для региона Хорватия сегодня — пример того, что балканские страны способны выйти за пределы вековых конфликтов и встроиться в современную европейскую политическую архитектуру. Именно этот опыт делает её важным актором в формировании будущего мирного устройства региона.

История Хорватии, Боснии и Сербии — это история народов, оказавшихся между Востоком и Западом, между разными цивилизационными моделями и политическими традициями. Их современное положение невозможно понять без учёта многовекового опыта, в котором периоды сотрудничества сменялись конфликтами, а попытки общей государственности обращались новыми проблемами.

Почему Хорватия вошла в европейские структуры, тогда как Сербия остаётся в зоне политической неопределённости, а Босния — в состоянии внутреннего паралича? Как историческое наследие империй и выборы элит в разные периоды повлияли на

современные границы, этнические конфликты и расстановку союзов? И возможно ли для этого региона выйти за рамки старых противоречий и построить модель сосуществования, которая не будет основана на силовом балансе?

Эти вопросы невозможно понять без обращения к прошлому, где заложены причины современных различий и конфликтов. Ответы на них важны не только для осмысления истории, но и для понимания будущего региона, где старые травмы до сих пор определяют политические решения.